

Вероника Киреева
Это же надо!

Сборник рассказов

Вероника Киреева
Это же надо!
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16855811
ISBN 9785447440398

Аннотация

Смешные рассказы о жизни. Чтобы просто читать, смеяться и внутри себя чувствовать маленький живой источник, который наполняется радостью.

Содержание

Человек	5
Ну что случилось-то?	8
А вдруг?	12
И из-за чего?	16
К чему?	18
Доска почета	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Это же надо!
Сборник рассказов
Вероника Киреева

© Вероника Киреева, 2016

ISBN 978-5-4474-4039-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Человек

Человек это такое существо, которое может все сам. Без посторонней помощи. И на самый верх он залазит и катится кубарем вниз. Что-то же блестело. И на луну он летит, и во-круг земного шара.

А надо облететь все, пока бензин не закончился. А вдруг там тоже живут? Кто-то же кричал. Не оттуда разве?

И на глубину он ныряет, и по лесу бежит с лопатой, а чтобы все знали. Все видели. Вот он, человек!

Это он прорубает окна,
расщепляет полено на щепки,
возводит в квадрат и в степень,
закрывает на зиму пленкой.
Это он рвет канатные стропы,
варит вар, покрывается потом.
Стучит молотком и кувалдой,
роет ямы, сжигает баллоны.
У него на руках по пять пальцев,
на ногах сапоги из резины,
он как будто бы что-то знает.
Только разве об этом расскажешь?
Перед ним все дороги, все двери,
как открыть, если ключ не подходит?
Или просто стоять и стучаться,

кто стучится, тому открывают.

Человек!

На него сверху падают камни,
за спиной рвется жаркое пламя,

впереди ничего не видно,

а потому что нет ничего.

Здесь построятся новый город!

Город песен, и город деревьев,

с именами своих героев,

о которых напишут в газетах.

И будут цвести хризантемы,

а по ночам падать снег...

Человек!

Только он знает место и время,

где сочится металл, где под солнцем

вырастают подсолнух и репа,

где тихонько, почти незаметно

под водою сидят водолазы.

Только он знает, как и откуда

на свету появляются блики,

где хранится плакат, и про тело,

абсолютно черное тело.

Он идет то на юг, то на север.

Что-то ищет и что-то находит.

Сам не знает порой, что же это?

Красиво сверкает на солнце,

как будто бы с синим отливом.

Товарищи тоже не знают,

никогда не видели раньше.

Нагрели и вдруг стали кашлять,
не астма ли это? не коклюш?
а может быть, все простудились?
Человек!

Рядом с ним все понятно и просто.
Тут кольцо, за него нельзя дергать.
Здесь две муфты, в углу трансформатор.
Справа ящики, слева рулоны,
по бокам паровые насосы.
И так хочется плакать от счастья,
от того, что живешь человеком!
Что-то хочешь, а что-то не хочешь,
и не знаешь на всё ответов.

Ну что случилось-то?

Я с работы жвчера пришел и так радостно мне! Лежу себе на диване, думаю, ну какая же жизнь у меня! Солнце светит, телевизор работает, душа поет! И ведь кто-то же придумал холодильники и теперь не надо продукты за окно вывешивать, не надо съедать все сразу...

И лежу я так, размышляю о законах термодинамики, о том, что тепло всегда переходит от более горячего тела к менее горячему... Тут вдруг дверь открывается, а это жена моя с работы пришла. И так радостно мне, так хорошо, что она есть у меня!

Выбегаю к ней в коридор, смотрю, а у нее лицо в слезах.

– Галя, – говорю, – что случилось?

Да у меня внутри всё вскипело, кулаки сами сжались.

– Кто обидел тебя? Кто? – обнял ее крепко, прижал к себе и чувствую, что моя она, Галя. Моя!

А она смотрит на меня, ресницы блестят, и слезка вдруг оторвалась и покатилаь по щеке. Да деньги потеряла, что еще может быть?

– У меня зарплата, – говорю, – через три дня, мы с тобой в магазин пойдем, яблок купим, конфет, – обнял её крепко-крепко. – Компота вишневого, повидла... А хочешь, – говорю, – я тебе картошки нажарю? А вечером в кино сходим...

А сам думаю, куда мы пойдём? На какие шиши? Да мне занять даже не у кого. А Галя обняла меня, и стоит, горячо дышит в шею. И так мне ее жалко стало. Что случилось-то? Может, думаю, она на переговорном была? С мамой поговорила, заскучала, расплакалась.

– А давай, – говорю, – маму к нам позовем? Пусть она приедет, погостит хоть с недельку. Увидит, какие шторы ты повесила, какие занавески, машинку ей швейную покажешь, по городу погуляете...

А сам думаю, это нам всем вместе в одной комнате спать? Так они же шептаться начнут, чего доброго тесто будут бегать, смотреть. Мама впереди, Галя за ней. Станут шкафы разбирать, все с балкона повыкинут, а там мои вещи!

А Галя еще больше рыдает, упала мне на плечо, будто её с работы уволили, или премии лишили.

– Галя, – говорю, – да найдешь ты другую работу, лучше этой в сто раз! – я посмотрел ей в лицо и весело рассмеялся. – Ты же такая умная у меня, знаешь даже, как мыс называется в Баренцевом море...

Смотрю, а Галя какая-то бледная, да мне с ней на воздух надо, куда-то в лес. А может, она к врачу ходила? Узнала то, чего я не знаю? Да у меня в висках застучало, ноги подкосились.

– Галя, – говорю, и ладони ее к щекам прижимаю, – ты только не бойся, ты ничего не бойся, родная, всё хорошо будет, – а у меня у самого закололо в груди, заныло, хоть ско-

рую вызывай.

Обнял ее, может, думаю, последние часы мы вдвоем? Минуты?

– Мы с тобой, – говорю, – долго-долго жить будем, на море поедем, будем купаться... Я тебе ракушку со дна достану, большую такую, – Господи, думаю, неужели всё правда? – Купим тебе бусы, – говорю, – из лазурита, а хочешь из сердолика, ты будешь самой красивой... Будем фотографироваться на берегу с обезьянкой, там такие закаты Галя, рассветы... И в столовой обязательно у окна сидеть будем, там окна большие...

А я как во сне. Думаю, что мы не птицы? Улетели бы далеко-далеко, спрятались бы в траву и сидели бы тихо-тихо...

– Галя, – говорю, и по волосам её глажу, и вдруг понимаю, что волос у нее стало меньше. – Ты только не переживай, – и чувствую, слезы в горле стоят. – Ты, – шепчу, – и без волос самая красивая...

А мне не верится, что всё так быстро, как-то непонятно, бессмысленно... Зачем мне жить без нее? Без нее меня нет, ничего нет...

– Правда? – встрепенулась Галя.

– Конечно, – шепчу я, а у самого раздирается всё внутри, хочется завывать, закричать, заплакать навзрыд.

Запомнить её родинку на левой щеке, вдохнуть её всю, чтобы запах остался внутри... Как жить без нее? Для чего?

– Ой, – говорит Галя, – а я так расстроилась, Валера,

пря́м до слез! Говорю, вы мне чуть-чуть отрежьте, а им только ножницы в руки дай, всё ведь состригут, – она подошла к зеркалу. – Я ей показала, говорю, вот столько, не больше двух сантиметров, а она стрижет и стрижет, стрижет и стрижет, – Галя снова начала рыдать. – Как же я на море с тобой поеду, Валера? – она посмотрела на меня сквозь слезы. – Как я в столовую приду с такой прической?

А вдруг?

Мне многое неизвестно, а если и известно, то не совсем понятно. Но с каждым днем хочется знать все больше и больше! Я уже и в сумку заглядываю, и карманы вчера проверил. А вдруг?

Да все может быть, а я сижу и не знаю! Ушла за талоном, пришла в пол одиннадцатого ночи! Я сначала-то и не понял, думаю, как же тихо, как же хорошо, а потом на часы стал смотреть, время шесть, ее нет! Да у меня бровь зачесалась, задергался глаз, скачу по окнам, выглядываю.

Думаю, где она? Время семь, мне нехорошо. Может, думаю, поскользнулась, упала, сломала ребро? Жду, что мне из больницы сейчас позвонят, скажут номер палаты. Думаю, что же ей привезти? Халат, полотенце, трусы, ночную рубашку, спать там...

Все собрал, пемзу, тапочки, два апельсина и вдруг слезы. Уткнулся в ее ночнушку, а она пахнет печеньем.... Думаю, где ты? Неужели упала? Время восемь и ни одного звонка! В чем же думаю, Анжела ушла? А я и не помню! Можно было и в халате пойти, это ж в регистратуре талончик взять, ни раздеваться не надо, ничего.

Смотрю, его нигде нету. Стал я вспоминать, как все было.... Я телевизор включил, налил себе чая, сел на диван, а Анжела напудрилась, и я даже не видел, что было даль-

ше. Смотрю, в коридоре сапоги её на манке лежат, значит, она надела на каблуках. А для чего? Чтобы выше казаться? Стройнее? А может, у нее есть врач?

И не стыдно им в кабинете сидеть, а что? Анжела в халате, на каблуках, он ей и талончик выпишет, и рецепт, и послушает её всю, а муж дурак! Он же дома сидит, телевизор смотрит! Да у меня руки затряслись, внутри все смешалось. Я-то ей верю, в глаза смотрю, а она? Неужели с врачом?

Время девять, надо звонить. А куда? Звоню Зине, может, думаю, она у нее. А что? Сидят, выпивают, и ни у одной нету совести! И хоть бы домой позвонила, сказала, что жива, не волнуйся, допью и приду. А зачем? Жду, когда Зина трубку возьмет, а ее дома нет.

Так может, они вместе? Шатаются по магазинам, а что дома сидеть? Да хоть бы Анжела денег не заняла, ничего не купила, а ей же все надо, у нее же ничего нет. Время десять, мне страшно! Сердце колет, темнеет в глазах. Думаю, а если с Анжелой что-то случилось? А я даже не знаю, в чем она одета! Какие родинки у нее, где?

Да я вспоминаю, и вспомнить не могу. На левой ноге вроде пятно родимое, на руке прививки от оспы. Что еще? Пластырь на пальце, да у меня слезы! На колени вдруг встал, Господи, помилуй, говорю. А мне кажется, что я один на всем белом свете!

Тут вдруг дверь открывается, я смотрю на часы, пол одиннадцатого ночи! А Анжела сразу на кухню, шкафы открыва-

ет, холодильником хлопает.

– Какая же я голодная, – говорит, – а ты, почему не ел?

– Анжелика, – говорю я, – где ты была?

– Ой, – говорит она и есть прямо со сковородки, – я же талончик взяла, а потом Зиночку встретила, и пошли мы с ней Виталик по магазинам. Ходили ходили, кругом столько народа, налить тебе чаю?

– Налей! – чуть ли не выкрикиваю я, а сам думаю, ну какие могут быть магазины? Ну какие?

– И ты представляешь, – говорит Анжела, – я мерила, мерила, ну все такое большое, такое несуразное... Не понимаю, как можно так шить? Я вся испарилась, да еще же на каблучках, – она плеснула мне в кружку кипятка. – И под конец, я увидела его! Оно висело одно, среди вельветоновых пиджаков, как я его увидела, вообще не понимаю. Это просто чудо какое-то! И такое теплое, я тебе сейчас покажу, – она с радостью побежала в коридор и принесла какой-то сверток. – Вот, посмотри, и размер как раз мой, и расцветка, – она развернула передо мной зеленое платье с коричневыми разводами. – Деньги мне Зиночка заняла, правда, красивое?

Я смотрю на него, ну ничего красивого нет. А Анжела румяная, глаза блестят, да, слава Богу, что живая и ни с врачом!

– Красивое, – говорю я.

– Правда? – не верит Анжела и обнимает меня и целует. – А я так переживала, Виталик, думала, ты рассердишься, будешь меня ругать.

Выпил я пустырника, лег на кровать, а Анжела моется, песни поет. Слышу, уронила всё с полки, да хорошо, что хоть в раковину. Пришла ко мне в полотенце, волосы мокрые.

– Не могу, – говорит, – найти свой халат...

А мне не верится, что она дома, что с ней все хорошо. Смотрю и правда у нее пятно родимое на левой ноге, значит, я знаю свою жену, что у неё где.

– Виталик, – говорит она, – а ты не знаешь, где моя ночная рубашка?

И тут я вспомнил, что я же в больницу к ней собирался, и рубашку сложил и халат.

– Да спи ты без всего, – говорю я, – жара такая.

– Да ты что? – пугается Анжела. – Я сейчас другую найду, мне где-то мама дарила...

Утром я вытащил всё из сумки, да как же хорошо, думаю, что Анжела не в больнице, что она в магазине была.

Платье себе купила.

И из-за чего?

Удивительно, но я не могу влюбиться. Может, со мной что-то не так и мне пора к доктору? А к какому? У всех значит лихорадка, озноб, жар в груди. Дрожь в ногах! Каждый день бегодня, дай пиджак, дай носки, дай денег на цветы. Не могу найти бритву. Где марля?

Я один сижу, мне ничего не надо! А какие грезы, какие мечты! Да мне спать не дают! Что ни ночь, дайте выпить, откройте окно, что за звезды. Какая луна! А мне непонятно. Луны вообще где-то нет, зато дует по полу. Я уснуть не могу, а им жарко. Всё повыпили, съели, и не спится теперь. Так конечно! И из-за чего?

Да у меня ноги всего раз подкосились, когда я к зубному попал. Голос ни разу не задрожал, пропал только на две недели, когда я под окном стоял, Миху звал. Цветы мне мама давала, чтобы я их учительнице подарил на первое сентября. Так, а мы все вместе дарили.

И сон у меня прекрасный всегда. А что не спать? О чем думать? Да мне вообще непонятно, как чужие незнакомые люди вдруг становятся близкими? Я понимаю, что товарищи мне близки, так у нас цель одна, одни и те же мечты. Мы одну и ту же пищу сидим, едим, одинаковые носки носим, запутались, где чьи.

А с женщиной разве можно о чем-то мечтать? Носить од-

ни носки на двоих? Есть сидеть котлеты с горчицей? Да ей, поди, халву подавай, варенье, корзиночки со взбитыми сливками. Да и пускай она корзиночки эти ест, главное, чтобы мы понимали друг друга, как-то останавливали, не упустили из виду.

Я-то, конечно, не упущу, буду смотреть за ее нравственным обликом. Следить, чтобы она вовремя на работу уходила, и кастрюли на ночь ставила в холодильник. Вот так, думаю, женись, и начнется! А товарищи конечно в любовном пылу, в поэтической дымке. Им и невдомёк, чем все это заканчивается!

Кастрюля на плите, в унитазе засор, на полу свежая краска. А чтоб не пройти, не прилечь после работы! И зачем все эти муки вообще? А товарищи снова не спят, откройте окно, какая луна, а звезды....

Да сколько можно? Когда же я-то, наконец, полюблю, и буду также скакать? На звезды смотреть, на просторы вселенной. На башенный кран с поворотной стрелой? Да есть ли такой человек, ради которого захочется мыться?

Захочется носки стирать каждый день?

К чему?

Интересно, что тело человека чешется, причем в разных местах. То нос, то ухо, то левая пятка. Нос еще понятно, правая рука тоже. А остальное? А мне понять хочется, вдруг это к гостям? Или к болезни? А может, вообще, к разлуке!

Я-то живу и не знаю, а домой приду, Оксаны нет! А она ушла восвояси, написала записку, спасибо за шапку, за цветной телевизор. А мне как жить? Что делать по вечерам? В окно смотреть на прохожих?

А у меня то локоть зачесется, то колено. Я смотрю, мужики тоже чешутся. То шея, то нога, и никто не скажет, к чему? Что нас ждет впереди? Будем спать в новом месте, на новых кроватях? Будем идти вдоль моста? Может, жены чемоданы собрали, а мы все-то в раздевалке, спины друг другу чешем. А товарищи просят, как отказать?

И как-то беспокойно мне стало, прям тревога в груди. Да мне страшно домой идти, вдруг там Оксанины родственники сидят, да что им сидеть, улеглись на нашу кровать! Вот тебе и колено! Мне придется где-то в другом месте спать. А где? У кого?

Так не лучше ли пойти сразу к Михе? И ванна свободная, и нет никого! А он рядом стоит, чешет спину Коляну. Так и Коляна надо с собой позвать, дома-то ему никто не почешет, а втроем-то мы и за стол можем сесть. Вот тебе и шея!

Пришли мы все к Михе, тут же легли на кровати, стали мечтать, представлять свое будущее, себя в пиджаках. Я так плащ хочу длинный и шляпу с большими полями, а Миха гитару достал, начал петь про любовь. Тут я про Оксану вспомнил, надо позвонить, думаю, спросить, кто приехал-то хоть? Надолго?

Звоню, а Оксаны нет. Вот здрасьте! И где же она? Может, на вокзал пошла, стоит там поезда встречает, вот-вот расплачется. А Миха атлас достал, ему интересно, где железные дороги построены, где какая разработка ведется, что за залежи на севере, что за на юге? Каковы урожаи зерна? Да мы в такой стране живем, где всего много!

Наконец, Оксана трубку взяла, а мне так радостно!

– Оксана, – говорю, – на севере нашей страны обнаружены запасы серного колчедана и медной руды, Оксана!

А она трубку бросила. Ну, ни чем не интересуется человек! Другой бы обрадовался, вопросы стал задавать, а ей же постель всем стелить надо, всем спину шоркать! С дороги-то все в ванную сразу, ехали трое суток, не мылись. Вот думаю, родственнички, да хоть бы не моей мочалкой!

Прихожу домой на следующий день, а Оксана чемодан собирает. Ну, конечно! Этого и надо было ожидать, а я готов. Меня не удивишь! С утра поясница чесалась, потом под лопаткой. Смотрю по сторонам, никого нет.

– А что, уже уехали? – говорю я, а мне не верится, что так быстро.

– Кто? – удивляется Оксана и кидает в чемодан свои вещи.

– Родственники твои, – говорю я. – Кто ж еще?

– Совсем запислся, – говорит она и вешалки из шифоньера снимает.

– Я, – говорю, – Оксана, между прочим, у Миши ночевал, а куда мне еще идти? Ну, куда?

– У тебя будто дома нету, – говорит она, – лишь бы шататься.

А мне обидно! Я-то на кровати на чужой спал, заснуть никак не мог, думал, хоть дома всем хорошо, все рады. А Оксана не рада! Ей бы только телевизор забрать, шарф мохеровый, шапку.

– Телевизор я тебе не отдам, – говорю я.

– Ну и не надо, – она кинула в меня свой кроличий полушубок. – Мне от тебя ничего не надо!

А мне уже кажется, что она мужика себе нашла. Ну конечно! У него, наверное, и стенка есть дома с хрустальными вазами и палас на полу. Оксана будет ходить по нему, ну и пускай! Пускай ходит, а я буду на диване лежать, телевизор смотреть.

Может, чесаться, наконец, перестану?

Доска почёта

Всякий раз, когда я вижу людей по телевизору, как им там вопросы разные задают, то я тоже хочу таким человеком стать. Чтобы мною гордилась моя страна!

Чтобы имя мое произносилось на разных собраниях и даже по радио. Чтобы люди шли мимо доски почёта и мимо пройти не могли. Останавливались. Потому что я там вишу, с пылающим взором. Я даже думать стал, как инициативу свою проявить, как попасть в этот список, в эту гордость советской державы.

Ясно одно. Надо к начальнику подход найти. Он ведь один и решает где кому быть. А я так загорелся этой целью, что ни есть, ни спать не могу. Всё думаю, как на себя внимание обратить. Чтоб заметили, чтоб как-то заинтересовались. Обидно ведь будет, если я всю жизнь на одном предприятии проработаю, а имя моё так и останется неизвестным.

Думал я думал, и решил попробовать с заведующего производством.

– Виктор, – говорю, – Степаныч, – а что это у вас такое с лицом происходит? Никак переживаете за коллектив? За выполнение плана?

– А как же не переживать, – волнуется он, – когда у нас соревнование с соседним заводом. А мы и половину от нормы еще не сделали.

– Да не мучьте вы себя так, Виктор Степаныч, – успокаиваю я. – Кто эти нормы устанавливал? Комитет по охране труда? Или Госрыбнадзор?

Молчит Виктор Степаныч. Задумался.

– То-то и оно! – говорю я. – А нам может производство это сокращать пора, в виду сохранения некоторых подвидов. А консервацию и заморозку наиболее ценных пород вообще прекратить.

Через неделю меня в кабинет вызывают и руку пожимают.

– Спасибо, – говорят, – Геннадий Петрович, спасибо. Вы, можно сказать, спасли человечество!

И назначают меня председателем в комитет по охране окружающей среды. И даже на радио приглашают выступить. Я, конечно, выступил. Так, а мне мало! Мне на доску надо, чтоб все меня видели, чтоб гордились. Подошел я к начальнику цеха.

– Федор Ильич, – говорю, – а что у вас линии простаивают? Нечего закатывать?

– Так вы же сами, – говорит начальник цеха, – поставки сократили. Вот мы и стоим. А банки, между прочим, на складах лежат, Геннадий Петрович. Ржавеют.

– Так вы, Федор Ильич, – предлагаю я, – заключили бы договора с соседними колхозами. Они бы нам овощи свои завозили, поскольку урожай-то всё равно хранить негде. Какой смысл их вообще собирать? А мы бы их закатывали и на прилавки. Зимой открываешь банку, а там горошек зелёный или

кукуруза или заправка для борща. Это ж, как приятно!

Молчит Федор Ильич. Задумался. А через неделю меня в кабинет вызывают и руку пожимают.

– Спасибо, – говорят, – Геннадий Петрович, спасибо. Вы, можно сказать, спасли человечество!

И на телевидение меня приглашают и интервью берут. А про доску почета молчат. Я к заместителю директора завода.

– Владимир Борисович, – говорю, – а что если нам с молочным комбинатом договор заключить? Мы бы и молоко могли в банки закатывать.

– А что если вам, Дядюшкин, – говорит заместитель директора, – пойти в свой кабинет и заняться защитой окружающей среды?

– Позвольте, – удивляюсь я, – Владимир Борисович!

– Идите, Дядюшкин! – говорит заместитель начальника. – Занимайтесь своим делом!

Расстроился я, что нет у нас взаимопонимания. А потом смотрю, Владимир Борисович на доске почета висит. За вклад в развитие молочной промышленности. Я сразу к директору завода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.